

УТОМЛЕННЫЕ ЭКОНОМИКОЙ... (ДВЕ СТОРОНЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА)

О.Ю. МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической экономики и экономической политики,
Заслуженный деятель науки РФ,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: oktaj-mamedov@yandex.ru

Институционализм прочно обосновался среди общественных наук, и редкая сегодня статья или диссертация обходится без (к месту и не к месту) вставленного остроумного уточнения – «институциональное».

И всё-таки приверженцев классической экономической школы многое продолжает смущать и настораживать в этой новой науке.

Конечно, ни один нормальный экономист не будет отрицать того, что действия социальных организаций определяются не только влиянием экономических факторов, но и социальными факторами, в том числе – социальными институтами, образующими «социальную среду», в которой функционируют эти социальные организации.

Однако различие подхода к социальным процессам экономистов и институционалистов состоит в ином – в оценке значимости этих факторов. Экономисты считают влияние экономических факторов – первичным, и в этом смысле определяющим также и для институциональных факторов (как вторичных), тогда как институционалисты стремятся представить институциональные факторы равностатусными с экономическими, что позволило бы им заодно возвысить институциональную теорию в иерархии социальных наук.

Что же в таком случае можно считать «плюсами», а что – «минусами» институционализма?

В центре внимания автора статьи – общее и особенное в методологии экономического и институционального познания.

Ключевые слова: институциональная теория; методология социального анализа; экономическая наука.

BORED BY THE ECONOMY... (TWO SIDES OF INSTITUTIONALISM)

O.Yu. MAMEDOV,

Doctor of economic sciences (DSc), Professor,
Head of the Department of Political Economy and Economic Policy,
Honoured worker of science of the Russian Federation,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: oktaj-mamedov@yandex.ru

Institutionalism has firmly established among the social sciences, and it's rather hard today to find an article or a dissertation that can do without (more or less appropriate) the smart adjective – «institutional».

Yet, adherents of classical economic school are still embarrassed and on the look-out about the new theory.

Certainly, no sane economist would deny that activity of social organizations is affected not only by the influence of economic factors: social factors, including social institutions, make the «social environment» in which these social organizations work.

But the approaches of economists and institutionalists to social processes distinguish in another aspect – namely, in assessment of these factors. While economists consider the influence of economic factors to be the primary ones, that is, determinative for institutional factors (as the secondary ones) as well, – institutionalists aim at institutional factors' description as equal to economic factors. Such a standpoint favours the institutional theory to be lifted in the hierarchy of social sciences.

What are, then, the « pluses» and the «minuses» of institutionalism?

The author focuses on general and special features of the methodology of economic and institutional knowledge.

Keywords: *institutional theory; methodology of social analysis; economic theory.*

JEL classification: *A20, B52.*

ЗА ЧТО НЕ ЛЮБЯТ ЭКОНОМИСТОВ

При всеобщей усталости от вульгарного «экономического детерминизма» (который злостно или по незнанию приписывается Марксу) и стремлении устроить, вследствие этого, интеллектуальные «каникулы непослушания» от экономики, идея самодостаточности социальных факторов обрела огромную популярность среди обществоведов. Эту тайную причину возникновения институционализма совершенно точно констатировал Р.И. Капелюшников – «Неудовлетворенность традиционной экономической теорией, уделявшей слишком мало внимания институциональной среде, в которой действуют экономические агенты, привела к возникновению новой школы, выступившей под общим именем «новой институциональной теории» (Капелюшников, 1998).

И это объяснимо, – необъятность и нежесткость связей в социальной надстройке привлекает к ней множество исследователей, склонных к «интеллектуальному анализу», и они единым фронтом противостоят экономистам, которые одержимы ненавистным для «надстроечников» (институционалистов) требованием *выведения всего социального из экономики*. Однако так же, как связь между электронами меньше всего задаётся их трактовкой в учебнике физики, точно так же и реальная зависимость между экономическими факторами и социальными институтами меньше всего определяется любовью или нелюбовью институционалистов к экономистам, или «их неудовлетворённостью традиционной экономической теорией».

Вопрос о зависимости социального от экономического для общественности сродни основному вопросу философии – о соотношении идеального и материального. За пределами этого вопроса он теряет смысл, и тогда, в рамках некоего локализованного фрагмента социальной реальности, социальное может определять экономическое. Всё зависит от пространственно-временных масштабов предпринимаемого анализа: краткосрочные тенденции часто кажутся важнее долгосрочных.

«ФИЛОСОФСКАЯ» СУДЬБА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Сегодня «институциональную теорию следует рассматривать скорее как некое общее направление, нежели детально разработанную теорию, поскольку даже среди ее приверженцев отсутствует согласие относительно точной формулировки ее основных положений» (Аберкромби и др., 2008). Эта печальная констатация очень напоминает судьбу философской науки, которая не менее двух тысяч лет озабочена поиском своего предмета, что, впрочем, не помешало ей стать «царицей всех наук»¹.

Надо сказать, что время от времени усталость от экономического анализа, назойливое бурчание экономистов по поводу своего главенства, перерастающее в обижающий представителей иных областей социального знания «панэкономизм», всегда завершалось появлением новых социальных наук. Самой известной заграничной попыткой «избавиться» от экономики была социология Макса Вебера, который, по словам его соотечественника и специалиста, «использовал метод исторического исследования, чтобы пролить свет на характер связи между религией и социальными изменениями. Он был убежден, что в протестантизме, и в частности в учении, созданном Жаном Кальвином в начале XVII столетия, было нечто такое, что поощряло своего рода самодисциплину,

¹ А, может, это даже и к лучшему, – может, как раз отсутствие жёсткого предмета и позволило философской науке превратиться в науку о всеобщей сущности?

которая является важным компонентом успеха в бизнесе» (Смелзер, 1990). С этой связью между протестантизмом и зарождением капитализма можно согласиться при одном жёстком условии: если имплицитно присутствует осознание экономической обусловленности появления самого протестантизма. Иначе непонятно, почему эта благотворная связь состоялась именно в начале XVII века, почему этому веку повезло больше, чем, скажем, XII веку?

Отечественное расставание с «вульгарной экономикой» было представлено некой «философией хозяйства», которая уже столетие силится выйти за пределы смелой заявки, да так что-то и не получается (Мамедов, 2012).

Институционализм – это уже «третий подход к снаряду», то есть – к «экономическому детерминизму», в попытке поднять его и... выбросить подальше. И поскольку ничего не получается, то, видимо, было решено удушить экономическую науку в своих «объятых», – на свет явился довольно странный гибрид, так прямо и нареченный – «институциональная экономика».

ИЗ ОГНЯ – ДА В ПОЛЫМЯ?

С позиций единственно научного – материалистического – подхода, слабость институциональной теории справедливо усматривается в её обращении к тем сферам, процессам и факторам социальной жизни, которые выходят за пределы жёсткой зависимости от экономического бытия и, продолжая всё же пребывать в рамках такой зависимости, испытывают её воздействие весьма отдалённо (так сказать, «в конечном счёте»). Мы имеем в виду процессы социально-психологического характера, природа которых требует несвойственных социальным наукам методологии, теории и уж тем более – гносеологического инструментария.

История возникновения и развития «веберовской» социологии, «философии хозяйства», институциональной теории свидетельствует об одном – *отказ от экономики, от выведения социального, рационального, институционального и всего подобного прочего из экономики, попытка найти некое «внеэкономическое» объяснение, поискать что-нибудь «оригинальное», заканчиваются одним – сваливанием в бездну субъективного, обращением к иррациональному, внемирскому, к апелляции к неким «вневременным» субстанциям.*

Доказательства? – Пожалуйста! В одном из популярных (для «чайников») очерков об институционализме весьма авторитетный исследователь излагает следующие «основы» институциональной теории (Аузан, 2011).

1. «В экономике есть фирмы, есть правительства и... «домохозяйство». Но я сразу хочу высказать еретический взгляд: никаких фирм, государств и домохозяйств нет – есть разные комбинации людей». Очень хорошо. Это всё равно, что сказать – на свете нет вещей, природы, животных, – есть разные комбинации атомов. Изучать «комбинации людей» – невозможно, так как только *экономическая определённость* этой людской «комбинации» придаёт ей социальную предметность, превращает её в объект социального познания.

2. По словам названного автора, новая институциональная экономическая теория вводит «два положения, которые важны для всех прочих построений и рассуждений: положение об ограниченной рациональности человека и положение о его склонности к оппортунистическому поведению».

Позвольте, – о каком человеке идёт речь? О человеке «вообще»? О бизнесмене или о разнорабочем? Прошлого века или будущего? С магистерским образованием или даже без начального? Человеке, которому от природы присущи «ограниченная рациональность» и «склонность к оппортунистическому поведению»? Но если «от природы», то это, извините, инстинкты, – и тогда институционализм поневоле становится наукой не о людях, а (о, господи, прости!) о социальных животных, понукаемых к поведению и действиям природными инстинктами.

Институционализм перерастает в «инстинктуализм»? Изрядно!

Вот уж чем смешат экономистов «исходные позиции» институционалистов, так это их способностью априори приписывать какому-то абстрактному «человеку» какие-то такие же «абстрактные» свойства (например, – «склонность к оппортунистическому поведению»), а затем с наслаждением копать в этих свойствах, бесконечно их детализируя, классифицируя и структурируя.

Абстрактность исходных посылок институционального мировоззрения объясняет абстрактность названия разделов авторского очерка – «Человек против рациональности», «Человек против благих намерений», «Человек против контракта», «Человек против своих интересов», «Человек против системы», – но почему этот «Человек» всегда «против»? Может, он иногда и – «за»?

Не знаю, но нормальный человек не против рациональности, не против благих намерений, а уж хорошо устроившиеся всегда за систему.

Прелесть бездоказательных тезисов – в лёгкости, с которой они сооружаются, хотя есть и недостаток – на каждый бездоказательный тезис всегда можно привести такой же бездоказательный контраргумент: попробуйте в вышеприведённых названиях разделов поменять «против» на «за», и смысла ничуть не убавится. Так что «абстрактные» высоты институциональных посылок неизбежно ведут к пошлости получаемых «выводов», банальность которых способна поспорить даже с морализаторством ригористов.

3. Автор взывает – «Если мы хотим реалистической экономической теории, то в ней должен действовать человек, который хоть как-то похож на человека реального. Но ведь реальные люди – они очень разные, и эту разность тоже надо каким-то образом учитывать в теории». Так и чувствуется – автор тащит читателя к «экономике физических лиц», которая рано или поздно заканчивается пофамильным перечислением её участников...

Вот здесь – главное заблуждение: *экономическую теорию никогда не занимала «житейская разность» людей*, напротив, принятие во внимание этой разности – помеха научному экономическому анализу, который как раз и должен свести разных людей в некую однородную социальную общность.

Неужели обществоведы до сих пор не усвоили великого методологического урока, преподанного им К. Марксом в первой главе первого тома «Капитала», – для научного анализа, например, товаров надо именно отвлечься от различающих их полезных свойств, только благодаря чему эти товары и могут стать качественно-однородными, тем самым преобразуя различные виды конкретного труда в «сгустки» однородного абстрактного труда. Это – единственный, универсальный метод научного социального познания. Рекомендуемый же подход в виде «учета разности людей» вообще находится вне научного социального анализа, требующего группировки людей по объективно-одностороннему признаку, что уже придаёт получаемой группе односторонний, абстрактный характер.

С этих позиций провозглашаемый неоинституционалистами принцип «методологического индивидуализма» крайне сомнителен, поскольку «согласно этому принципу, реально действующими «акторами» социального процесса признаются не группы или организации, а индивиды. Никакие коллективные общности (например, фирма или государство) не обладают самостоятельным существованием, отдельным от составляющих их членов. Все они подлежат объяснению с точки зрения целенаправленного поведения индивидуальных агентов» (*Капелюшников, 2011*).

Между тем, научный анализ бесконечного разнообразия социального достигается применением к ним единого *объективного* (а не выдуманного) критерия, заданного самим экономическим устройством общества, его нахождением на данной *исторической* ступени развития, и это пребывание на единой исторической ступени социального бытия объединяет разных людей сильнее, чем их разъединяют разные «институциональные свойства». Во всяком случае, если взыскующего о разности людей современного институционалиста вдруг перенесёт в древний мир, он на себе почувствует, что такое «историческая общность» людей, и не помогут ему адаптироваться к древним порядкам никакие оппортунистические штучки.

О, как противен экономист, который, вместо приятных рассуждений об оппортунизме и рациональности, всматривается в общество из жестоких отношений собственности и безжалостно делит всех – толстых и тонких, молодых и старых, обладающих рациональностью или не обладающих ею, склонных к оппортунизму или не склонных к нему, – на «*собственников*» и «*не-собственников*». Мало того, этим примитивным делением он смеет объяснять всё, – и глубинное, и надстроечное. Ах, как это вульгарно, ах, как это не трансцендентно, да ещё попахивает – фу-фу-фу – реальными производственными отношениями...

ЧТО ЖЕ ПРИНЕС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ?

Тем не менее, надо признать, что институционализм продемонстрировал ряд важных для нашего общества теоретических достижений, практическая реализация которых, несомненно, продвинула бы институциональную структуру российского общества по пути социального прогресса.

1. Самым главным является приоритетное внимание (не важно – искреннее или притворное) институциональной теории к *основному классу социальных институтов* – к **институтам неформального характера**. Неформальные институты и есть та «социальная среда», в которой только и может развиваться общество, это – те «кирпичики», из которых только и может строиться институциональная структура общества, это – тот «воздух», которым только и может «дышать» свободное, демократическое, гражданское общество. Неформальные институты остаются самой неизвестной и

непривычной социально-экономической конструкцией для российского общества, отсутствие которой в нашем, предельно формализованном, социальном устройстве является основным, хотя и невидимым (именно в силу своей неформальности!) препятствием на пути к любым социальным преобразованиям. Ненависть государства ко всему неформальному, нерегулируемому и нерегламентируемому им, – самое тяжкое следствие социальной катастрофы, которую претерпело российское общество в прошлом веке.

2. Не менее важным для нас является исследование *основного процесса институционализации – перехода неформальных институтов в разряд формальных* (и, что столь же актуально, преобразование формальных институтов – в разряд неформальных). Такой переход часто приобретает весьма острые, драматичные формы с плохо предсказуемыми последствиями. И хотя институционализация шире, чем трансформация неформальных институтов – в формальные, но зато в этом – суть институционализации, ибо в институциональной структуре общества только два класса социальных институтов: формальные и неформальные, и вся борьба развёртывается между ними, – точно так же, как вся богатая структура буржуазного общества сводится к борьбе только двух главных групп: буржуазии и пролетариата. Формальными являются социальные институты господствующей социальной группы, тогда как все иные также стремятся формализовать свои специфические социальные институты, заодно сделав неформальными институты прежнего господствующего класса. Но всё это – крайне схематично, надо наполнять историческим содержанием.

3. Столь же актуален для нас интерес к **институциональной инертности**, во многом предопределяющей *темпы социальных изменений*.

4. Для оптимизации социального структурирования нашего общества исключительное значение имеет **формирование и развитие социальных институтов**, основанных на «*принципе участия*»².

5. Наконец, то, что является ошибочным с точки зрения методологии научного социального анализа – **недооценка экономического фактора**, – может оказаться верным в конкретных исторических координатах того общества, в котором недооценивается как раз то, что – парадокс! – *переоценивается институционализмом*: значимость неэкономического, социального, социально-психологического.

Как прекрасно устроен естественный мир, – он не зависит от поисков и заблуждений «естественников»: знают физики об атомах или не знают – атомам это безразлично.

Так же прекрасно устроен и социальный мир, – принимают обществоведы институционализм или нет, это реальному устройству общества абсолютно безразлично: социальные институты, если они включены в механизм движения социума, были, есть и будут. Они, конечно, могут быть деформированы, но эта претензия – уже не к институционалистам, а к самому обществу, причём – на этот раз – весьма конкретному.

ЛИТЕРАТУРА

Аберкромби Н., Хилл С. и Тернер Б. (2008). Социологический словарь. Доступно на: <http://voluntary.ru/dictionary/874/word/institucionalnaja-teorija>.

Аузан А. (2011). Институциональная экономика для «чайников». М.: Фэшн Пресс, 127 с. Доступно на: <http://esquire.ru/auzan-1>.

Капелюшников Р.И. (1998). Новая институциональная теория. Доступно на: <http://www.libertarium.ru/10625>.

Мамедов О.Ю. (2012). «Философизм» против «экономизма», или Как «философия хозяйства» уже более ста лет пытается тягаться с «политической экономией», соблазняя малых мира сего. *TERRA ECONOMICUS*, т. 10, № 3, ч. 1, с. 63–68.

Смелзер Н.Дж. (1990). Социология за рубежом. Доступно на: http://ecsocman.hse.ru/data/361/828/1217/17_Smelzer.pdf.

² Например, в Германии одной из особенностей системы индустриальной демократии является закрепленное правовым образом требование, согласно которому представители наемных работников в крупных фирмах должны занимать определенную долю мест в совете директоров компании, а менеджеры обязаны регулярно через рабочие советы обсуждать со служащими вопросы, связанные с их работой. Эта практика, введенная государством, является отражением более широкой культуры, в рамках которой особое значение придается управлению, основанному на принципе участия, и поддерживается данной культурой (Аберкромби и др., 2008).

REFERENCES

Aberkrombi N., Hill S. and Turner B. (2008). Sociological Dictionary. Available at: <http://voluntary.ru/dictionary/874/word/institucionalnaja-teorija>.

Auzan A. (2011). Institutional Economics for Dummies. Moscow: Fashion Press, 127 p. Available at: <http://esquire.ru/auzan-1>.

Kapelushnikov R.I. (1998). New Institutional Theory. Available at: <http://www.libertarium.ru/10625>.

Mamedov O.Yu. (2012). «Philosophism» against «Economism», or How «Philosophy of the Economy» Tries to Vie with «Political Economy» for more than 100 Years, Enticing the Small People. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 3, part 1, pp. 63–68.

Smelser N.J. (1988). Sociology. New Jersey: Prentice-Hall. (Rus. ed.: *Smelser N.J.* (1990). *Sotciologiya za Rubezhom*. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/361/828/1217/17_Smelzer.pdf).